

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

СВИДЕТЕЛЬ ОБВИНЕНИЯ

Есть книги, на которые нельзя написать рецензию, как нельзя написать её на жизнь. Их можно только прожить.

Хотя, в сущности, и всякая настоящая книга такова. Начнешь говорить о “Капитанской дочке”, “Воине и мире”, “Отце Горио”, “Оливере Твисте”, “Братьях Карамазовых”, “Утраченных иллюзиях”, и, смотришь, уже говоришь о жизни, любви, беде, одиночестве, страдании, о дне за окном. Уже благословляешь или судишь людей, волнуешься, ждешь понимания. Живешь.

Прибегит Витька Астафьев к бабушке в слезах. Та к нему: Кто тебя? А он расскажет только что услышанного в школе “Кавказского пленника” и как дойдет до слов: “Братцы! Братцы!” – так уж зальются с бабушкой слезами вместе. Я стану читать маме “Последний срок” Распутина, и она будет плакать и смеяться, часто останавливать меня: “А у нас с отцом...” или “Охо-хо, вот и у нас матушка...” – и уйдет, уйдет в воспоминания, и ей уже Анна из книжки и не героиня, а собеседница и подруга.

А уж чего говорить о публицистических книгах – никакого сердца не хватит.

“Алгоритм” выпустил к 75-летию Валентина Григорьевича Распутина книгу его бесед с Виктором Кожемяко “Эти 20 убийственных лет”. А только “беседы” для этой книги – слово обманчивое. Беседа – дело мирное, даже уютное. А тут что ни слово – боль, что ни абзац – обвинительное заключение. Да и вся книга – приговор подлинно убийственному 20-летию.

Мы с колыбели знаем, что государство – семья, дом, живое единство, и болезнь одного органа – не частное дело. Как у пушкинского “Бориса” с совестью: “Но если... пятно единое, единое случайно завелось – тогда беда...” А ведь тут Распутин из года в год не о “едином и случайном” говорит, а с живым страданием утверждает общее поражение страны, её промышленности, сельского хозяйства, образования, культуры, языка, духа.

Еще в самом начале XXI века он говорил: “. . . мы оказались на другом берегу. Там, где мы были только что, закончилась история, в которой человек еще мог принимать участие. . . а вместе с историей закончилась человеческая цивилизация и общественная эволюция. Позади остались захоронения тысячелетних трудов и упований. Вокруг нас подобие прежней жизни, те же картины и те же дороги, к которым мы привыкли, но это обманчивое видение, тут все другое. И мы другие. И этот “подарок” новой календарной эре и всему миру сделала Россия. Она вдруг сошла со своей орбиты и принялась терять высоту. Но значение и влияние её в человеческом мироздании было настолько огромным, удерживающая её роль настолько велика, что вся планета, независимо от того, кто-то считает себя в выигрыше, почувствовала неуверенность и тревогу, всех обожгло наступление новой реальности на противоположном берегу Реки жизни”.

Как же услышать это и не остановиться?.. Не нам одним, а и беспечному миру, в котором, коли он внимательно на себя поглядит, тоже ведь сломалось что-то именно в тот час, когда мы “оказались на другом берегу”.

До этого порога в беседах, начатых в 1993 году, еще нет-нет звучала нота надежды, и он к концу непременно норовил утешить себя и нас, что безумие поразило не весь организм, что живые клетки еще есть. А уж как “сошла Россия с орбиты”, так он уже больше себя надеждой не обманывал, а глядел только мужественней и горше. Да ведь и то! Повторять ли, что заводы умерли, отдав свои цеха под супермаркеты и развлекательные центры, что “земля стала безвидна и пуста”, как до сотворения Мира, что телевидение окончательно простилось со старыми нравственными институтами, уже и не скрывая своей брезгливости к нам, перепроизводство литературы окончательно смыло границу между высоким и низким, и Россия окончательно перестала быть “удерживающей силой” не только для мира, а и для самой себя.

Слух привык, и душа уже не кричит, читая:

“Земельный кодекс с правом продажи земли – это только начало, приоткрытая дверь, но приоткрытая, больше уже не запертая...”;

“Россию старательно, как черномазую Золушку, преобразают в глобализованную принцессу, чтобы ехать на бал Сатаны”;

“Что касается интеллигенции – нет в России больше интеллигенции в той роли и служении, какой она была прежде”;

“Элитарщина окончательно освободилась от всего, что называется служением Отечеству, освободилась от всяких обязанностей перед народом и добровольно заглушила в себе голос совести”.

Мастера духовного растления так вышколили нас за эти двадцать лет, что нам о правде, достоинстве и традиции уже и говорить неловко: “Опять вы за свое? Сколь угодно?”. А мы уж будто и стесняемся сказать: да потому и можно, что за свое, за наше, расхищенное обезумевшей властью. Устали и смиряемся, что говорить: свои и так всё знают, чего их лишний раз беречь, а ТЕМ наши печали – не печали. Они построили своё, “свободное” от нравственных обязательств государство и уж гордятся им научились: слава Богу, у нас гражданское общество, не “застой” какой-нибудь. Вон у нас как умны Президент с Председателем правительства – нерадивых прямо в телевизоре наказывают, коррупцию пресекают одним решительным словом, пенсии повышают, землю в обиду не дают. Ну, а что этой землей торгуют направо и влево уже и святые для народного сердца Михайловское и Бородино, Ясную Поляну и Архангельское, так у вас на то Общественная палата есть, Общество охраны памятников – давайте смелее! А что законы “резиновые”, так предлагайте свои поправки – Дума рассмотрит.

Получаю я, как член Общественной палаты, план работы Думы на полугодие и не знаю, смеяться или негодовать: чуть ли не каждое заседание посвящено вопросу о “внесении поправок”. День за днем, год за годом – “о внесении поправок”. А потом за закон берется Общественная палата, приступает к своим уточнениям и возвращает на доработку, чтобы Дума могла приступить к следующему “внесению поправок”. Всякий закон, в конце концов, становится похож на “воронью слободку” из сотни пристроек, и там всякий найдет себе уголок, оправдывающий необходимое умному чиновнику своеволие.

Конечно, какая уж тут традиция, какая память, какая история, какое Отечество... Спросите себя, когда в последний раз вы слышали из уст Президента или Председателя Правительства слово “Родина”. Не спрашивайте – не слышали. Когда руководство страны говорило о духовном выборе, о национальном пути, когда они цитировали Толстого, Достоевского, Чехова...

И Валентин Григорьевич замолчал окончательно. Общество может успокоиться. Его больше не будут тревожить напоминанием навсегда устаревших слов “традиция”, “народ”, “совесть”. А у меня всё нейдут из памяти слова Альбера Камю: “Если бы я написал книгу о нравственности, в ней было бы сто страниц и девяносто пустых, а на сотой было бы написано: я знаю только один закон – любить, а на остальных страницах я говорю “нет”, пока хватит сил”.

Всё творчество Валентина Григорьевича было одним этим законом “любить”, который и соединял нас в одно сердце, пока соблазны своеволия и обольщения “цивилизованного человечества” не изломали вековечную систему ценностей. И тогда осталось одно: пока хватит сил, говорить “нет”. Так “нет” и стала книга “Эти 20 убийственных лет”.

Горе времени, оставляющему о себе такие свидетельства.